

Наринэ Абгарян

София
возвращалась
домой

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А13

Дизайн обложки
и иллюстрация на обложке:
Юлия Межова

ISBN 978-5-17-174590-5

© Наринэ Абгарян, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАСТЬ 1
ЕГО РУКИ
Берд, 1916

Боль была нестерпимой. София попробовала вырваться, но рука тетушки Азнив вцепилась в ее косу так, будто слилась с ней намертво. Бросив тщетные попытки высвободиться, девушка изогнулась и схватилась за основание косы, чтобы хотя бы немного ослабить натяжение. Изрыгая проклятия и не выпуская намотанные на руку волосы племянницы, Азнив волокла ее в дальнюю темную комнату. Паркетный пол буквально накануне натерли до блеска воском, и худенькая София скользила по нему, словно перышко. Чтобы не закричать от боли, она, сцепив зубы и зажмурившись, отсчитывала в уме комнаты: прихожая, гостиная, большая родительская спальня, которую теперь занимала тетушка, вторая спальня, поменьше, куда переселился овдовевший отец, спальни братьев, спальня самой Софии и крохотная, в любое время суток утопающая во мраке комната нянечки, вырастившей детей семьи Маркарян и в благодарность нашедшей в их доме пожизненный приют. С недавних пор воцарившаяся в доме хозяйкой тетушка называла всеми любимую нянечку нахлебницей, запретила ей садиться за общий стол и урезала ее рацион до совсем уж жалких крох. София часто приносила нянечке спрятанную в рукаве кофты еду: ломоть подсолненно-

го хлеба или холодную отварную картофелину, а если повезет и тетушки не окажется рядом, то и горсть отколотой от пудовой сахарной головы желтоватой щепки. Нянечка всю жизнь была большой сладкоежкой и несказанно страдала от отсутствия сахара, вот София и старалась ее порадовать, рискуя попасться на глаза скуповатой тетушки. Азнив не доверяла никому, строго следила за расходом запасов и часто заглядывала на кухню, чтобы проконтролировать стряпуху Гуле, немолодую и бессловесную езидскую¹ женщину, на плечи которой, кроме готовки, теперь легли и стирка с уборкой. Две другие помощницы по хозяйству были выставлены за порог без каких-либо объяснений, а поиск новых все никак не начинался.

За комнатой нянечки, через крохотный и стылый проход, находился просторный чулан, обставленный доверху, до самого потолка, стеллажами со всяким добром: кадками с крупами и сушеными фруктами, кувшинами с медом, топленным маслом и кавурмой². Здесь же стоял и большой, в половину комнаты, тяжеленный дубовый ларь, туго набитый мешками с пшеничной, ржаной и кукурузной мукой, и кованый сундук с солью, купленный впрок за серебряный целковый по очень выгодной цене. Соли было

---

¹ Езиды — курдская этноконфессиональная группа, исповедующая езидизм (синкретичная религия с элементами зороастризма, ислама и христианства).

² Кавурма — томленное в собственном жире мясо.

много, почти два с половиной пуда, и ее перемешали с зернами «сарацинского пшена» — риса, чтобы те вытягивали влагу, которой, впрочем, в чулане отроду не водилось. Именно туда и волокла Азнив Софию, намотав на кулак ее косу. Вторая коса вилась по полу, собирая невидимые пылинки, шелковый бант, перетянувший ее конец, почти развязался и норовил вот-вот соскочить и затеряться в анфиладе комнат.

В доме никого, кроме пугливой Гуле и нянечки, не было. Отец решил лично сопроводить заказанный на его мебельной фабрике гостинный гарнитур в Александрополь¹ — клиент, уездный начальник, будучи важным чиновником, обладал обширными связями во всех крупных городах Кавказской губернии, и личное с ним знакомство сулило новые большие заказы. Старший же брат Софии, Геворг, как раз сейчас следовал в Тифлис, откуда намеревался забрать на пасхальные каникулы двух младших братьев, учеников Нерсеянской армянской семинарии. Мальчикам-погодкам едва перевалило за десять, и самостоятельно преодолеть долгую, почти в три дня, дорогу они бы не смогли. Выручить Софию было некому: ни Гуле, ни безвылазно сидевшая в своей комнате нянечка не посмели бы перечесть скандальной сестре хозяйина дома.

---

¹ Гюмри — второй по величине город Армении, с 1837 по 1924 гг. назывался Александрополь, затем Ленинакан.

На пороге чулана Азнив замешкалась — чтобы отпереть дверь, нужно было выпустить косу Софии, а это лишило бы возможности ее удерживать. Недолго думая, она отпустила намотанную на руку косу, но лишь затем, чтобы наступить на нее покрепче, и потянулась к своему поясу, на котором носила связку ключей от всех помещений и шкафов дома. Связка была большой и тяжелой и непрерывно позвякивала при ходьбе. Заслышав ее тусклый звяк, София корчила смешную гримасу и шепотом обзывала тетушку Кэнтервильским привидением. И хихикала, довольная тем, что имеет смелость хотя бы про себя ее обозвать. Четырехтомник Оскара Уайльда, подарок мамы ко дню рождения, она хранила в своей комнате и никого к нему не подпускала. Эти тома в темно-красном переплете с золотым тиснением были самым большим ее богатством. Перечитанную множество раз и выученную почти наизусть сказку «Кэнтервилльское привидѣніе» они с мамой переписали по ролям и намеревались поставить к Рождеству, закрепив за каждым членом семьи определенную роль. Самым сложным было убедить отца, на дух не переносившего «всякое кривлянье», но София и к нему нашла подход. Они с мамой даже собирались сшить себе платья для спектакля, одинакового кроя, но разного цвета. Мама выбрала бархатную ткань богатого винного оттенка, София же — тафту, нежно-голубую, в серебристый перелив. Но к портнихе они так

и не выбрались и домашний спектакль не поставили. И все в их жизни пошло наперекосяк, потому что не стало мамы...

Ключ, противно лязгнув, повернулся в замке, тетушка Азнив навалилась на тяжелую дверь плечом, чтобы открыть ее. Туфля, придавившая косу Софии, соскользнула, и этих нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы девушка, изогнувшись, высвободилась и, оттолкнувшись от пола, вскочила на ноги. Времени, чтобы добежать до спасительной входной двери, хватало: скаредная до невозможного тетушка ни за что бы не оставила отпертым чулан и обязательно закрыла бы его на замок, перед тем как броситься за ней.

— Не смей убежать, негодная девчонка! Я все твоему отцу расскажу! Уж он-то выбьет дурь из твоей головы! — раздавались за спиной разъяренные крики.

София летела сквозь комнаты, задевая мебель развевающимся подолом длинной юбки. Под горлом бешено колотилось сердце, мотались на спине бережно расчесанные и заплетенные старенькой нянечкой длинные косы. Это был неукоснительно соблюдаемый с самого детства ритуал — сначала нянечка будила ее, потом строго следила, чтобы София тщательно умылась и непременно протерла лицо и шею ледяной водой — для здоровья и упругости кожи. Потом она усаживала ее у окна, распускала рыхло сплетенные на сон косы, расчесывала и за-

ново сплетала, теперь уже туго, на целый день. София сидела, опершись локтями на подоконник, и сыпала вопросами. Из приоткрытой форточки тянуло влажно-яблочным ароматом утра, осторожно, будто боясь обжечь, ложился на пол солнечный луч, перекрикивали друг друга петухи, отчего-то трещал козодой — неприметная ночная птица.

— Бессонницей страдает, бедолага, — слышав его голос, горестно качала головой нянечка.

София фыркала — какая может быть бессонница у птиц?

— Почему нет? — пожимала плечами нянечка. — Всякой божьей твари положен сон, а стало быть, и бессонница.

— И рыбам?

— И рыбам.

Судя по неуверенному голосу нянечки, по поводу рыб были некоторые сомнения, и она, будто бы убеждая в первую очередь себя, несколько раз повторила — и рыбам, и рыбам. София представляла, как на глубоком дне реки, сбившись в круг, страдают от бессонницы длинноусые толстолобые сомы, — и заливалась звонким смехом.

С годами менялись темы разговоров, формы ботиночек и фасоны платьев, и лишь ритуал утреннего туалета оставался неизменным. Усадив Софию у окна, нянечка бережно расчесывала ее искристые волосы, с нескрываемым

восхищением отмечая их богатство и красоту, разделяла их на ровный пробор и ловко заплетала косы. Обвязав концы тоненькими шелковыми лентами, она наматывала на указательный палец пушистые кисточки хвостиков, туго сжимала в ладони, согревая, и, подержав с минуту, аккуратно сдергивала получившиеся завитки. София благодарила, привычным движением закидывала косы за плечи и подставляла лоб. Перекрестив и поцеловав девочку, нянечка уходила к ее младшим братьям, с которыми возни было несоизмеримо больше.

Приведя себя в порядок, София заправляла кровать и выносила таз с мыльной водой, чтобы, старательно сполоснув, водрузить его обратно на тумбу. Обязательно набирала свежей воды в кувшин, из которого нянечка поливала ей на руки. Если Гуле не успевала натаскать воды, она сама ходила к роднику, поставив на плечо узкогорлый медный кувшин: детей в семье Маркарян не растили белоручками и с ранних лет приучали к труду. До родника было всего несколько минут ходьбы, потому в сухую погоду София не переобувалась, но в дождь приходилось, чтоб не увязать в заезженной телегами, загаженной конским и коровьим навозом, мгновенно раскисающей неровной дорожной колее. После завтрака, в ожидании прихода учителя Давида, занимавшегося с ней на дому, она выполняла всякие поручения тетушки и мелкие просьбы Гуле. Если София делала это спустя рукава, ей обязатель-

но доставалось от тетушки, пуще остального на свете обожавшей нравоучительные, сводящие скулы разговоры о смирении и добродетели. София слушала ее не перебивая, навесив на лицо непроницаемое выражение. «Кинешь в глаза горсть песка — даже не моргнет», — говорила потом о ней нянечка, морщина в ироничной улыбке круглые и дряблые, словно печеное яблоко, щеки.

— Какая же она занудливая! — не вытерпев, иногда жаловалась София.

— Разве можно так о взрослых?! — выговаривала ей нянечка, сдвигая в притворном гневе к переносице брови.

София складывала на груди в молитвенном жесте ладони — прости поганку! И они приглушенно хихикали, поминутно оглядываясь, чтоб не пропустить появление Азнив.

* * *

Времени на переодевание не было. София сдернула с крючка большую шерстяную шаль Гуле, которую та держала на случай, если нужно будет сходить в нижний холодный погреб, и, кутаясь в нее на ходу, выскочила за порог чуть ли не под носом разъяренной тетушки Азнив. Основание косы горело так, будто затылок ошпарили кипятком, но София не обращала на боль внимания. Сбежав по лестнице, она пересекла двор наискосок, перепрыгивая через клумбы

и рискуя угодить в едва раскрывшиеся бутончики фиолетового морозника и мышиного гиацинта — совсем еще робкого, но успевшего окутаться ароматом мускуса. Добравшись до ворот, она с облегчением выскочила на улицу. Бежала, не разбирая дороги, хватая ртом острый воздух и утопая по щиколотку в апрельской ледяной слякоти. Ее гнал вперед не страх и не обида, а плещущаяся под горлом вязкая жижа злости. Да что она о себе вообразила, эта сухая негнущаяся карга, эта старая сучковатая жердь? С какой такой радости она решила, что ей позволено обращаться подобным образом с Софией?! Да она... Да я...

Остановил ее окрик хозяина лавочки, у которого Гуле покупала всякие диковинные приправы: звездочки аниса, бутончики гвоздики, сладкую корицу, молотый голубой пажитник, алые ниточки дорогущего шафрана. Маленькая София любила ту лавочку и всякий раз, когда Гуле собиралась за специями, увязывалась за ней. Пока лавочник отвешивал на аптекарских весах приправы, она, затаив дыхание, наблюдала холмики разноцветных приправ и терпеливо ждала, когда ей вручат имбирный пряник — без гостинца ее никогда не отпускали. Услышав встревоженный голос лавочника — ориорд¹ София, что-то стряслось, может, помощь нужна? — она резко остановилась, переждала немного, давая

---

¹ Обращение к незамужней девушке.

сбившемуся дыханию восстановиться, и, воздев к небу руки, победно потрясла кулачками — мы еще... посмотрим... чья... возьмет... Поблагодарив ошарашенного лавочника за участие, она направилась домой с такой невозмутимостью, будто ничего странного в ее поведении не было. Проводив ее изумленным взглядом, лавочник почесал в затылке и, кхекнув, вернулся за прилавок, где его терпеливо поджидали не менее заинтересованные покупатели.

* * *

Софии едва исполнилось пятнадцать, когда не стало мамы. Она была достаточно уже взрослой, чтобы взять на себя ведение домашнего хозяйства, но отец решил по-своему и пригласил свою старшую сестру Азнив, шестидесятилетнюю старую деву, неприступную и непоколебимую, словно одиноко торчащая среди морских волн лысая скала. София запомнила до мельчайших подробностей ноябрьский день, когда тетушка переехала к ним. Холодный дождь, зарядивший с рассвета, к полудню унялся, но не совсем стих и сеял назойливой мошкаррой капель. Напитанный влагой воздух разбух передержанным дрожжевым тестом и кисло пузырился, затрудняя дыхание. Старое тутовое дерево, давно уже не плодоносящее, но так и не срубленное, облетало последними глянцево-желтыми листьями. Ждали тетушку к полудню, но при-

ехала она лишь к вечеру. Крытая повозка, неуверенно вкатившаяся в ворота, протяжно скрипела колесом. Парусинный верх, отяжелев от влаги, свисал между прутьями каркаса, и пассажирка вынуждена была сидеть, вобрав в плечи остроносую, в гладко уложенных волосах седую голову. Старомодная, давно и безвозвратно выгоревшая на южном солнце объемная шляпа лежала на коленях; украшавшее ее страусовое перо, когда-то пышное и белоснежное, пожелтело и вытерлось. Одета тетушка была во все черное, будто вдова, и вид имела соответствующий: торжественный и скорбный. Все ее имущество поместилось в громоздкий, обитый железом кофр. Вещи в нем были разложены в сводящем зубы незыблемом порядке, а на самом верху лежала большая, в кожаном переплете, с тусклыми латунными застежками и латунным же замком Библия. Пока тетушка располагалась в родительской спальне, хлопая дверцами, двигая полками и раскладывая вещи в пустых шкафах, Гуле нарезала хлеб и заваривала чай для промокшего насквозь кучера — смуглого чахоточного вида мужчины с ясными, цвета утреннего неба глазами и багровым шрамом почти во всю обритую голову. На вопрос, где он, бедолага, его заработал, тот тяжело вздохнул и заговорил на западноармянском. Гуле остановила его предупреждающим жестом и выпроводила из кухни заглянувшую туда Софию — в семье оберегали младших детей от страшных изве-